

«Язык – это диалект, обладающий своей армией и флотом»

Следует ли считать язык бухарских евреев самостоятельным языком или диалектом таджикского? Спор этот ведется давно, и часто он принимал отнюдь не академический характер.

Проф. М. Занд отмечает, что в конце 1930-х годов эксперты-филологи по заказу советских властей пришли к заключению: «язык бухарских евреев – не самостоятельный, а является диалектом таджикского». Это привело к массовому закрытию школ, газет и культурных институтов, то есть имело катастрофические последствия для бухарско-еврейской культуры. Те, кто полагают, что бухарско-еврейский диалект является вариантом таджикского (И. Мошеев, А. Турсунов, Ю. Бабаев и ряд других авторов), резонно указывают на понимание в разговоре между собой бухарских евреев и таджиков.

Сложно представить себе таджикский-бухарско-еврейский словарь или же переводчика, выполняющего перевод с таджикского языка на бухарскоеврейский. Да, у бухарских евреев есть специфические слова, отсутствующие у таджиков, такие как, например, *шулхон* (стол). Но слов этих немного, и в большинстве случаев они заимствованы из иврита или обозначают обряды и реалии, связанные с еврейскими обычаями. Большинство из тех, кто считает бухарско-еврейский язык самостоятельным, ссылаются на исторический факт: до 1940 года этот язык имел официальный статус одного из народов СССР. Никого тогда не смущала его близость к таджикскому. Как отмечает М. Занд, в качестве литературной нормы (в основном на уровне морфологии) предлагалось ориентироваться на фарси (и еврейско-персидский язык), чем закреплялось отличие от литературного таджикского. На бухарско-еврейском (или как тогда называли «местно-еврейском») преподавали в школах, техникумах, издавались газеты. Были театральные коллективы, вышло около 800 книг.

В 1937-1940 годах эта деятельность была свернута в связи с изменившейся национальной политикой властей. Но историю не перепишешь. Мне в свое время пришлось составлять список книг на бухарско-еврейском языке в Публичной библиотеке в Петербурге.

В каталоге бывшего Отдела литературы на языках народов СССР имеется раздел с книгами на местно-еврейском языке; этот язык всегда совершенно официально был включен в список. Что же, считать теперь задним числом, что все эти книги на таджикском? Известны случаи, когда два народа, говорящие практически на одном и том же языке, но различающиеся религией, предпочитают считать свои говоры разными языками. Например, индийцы и

пакистанцы говорили на одном и том же языке, хиндустани, но после раздела страны возникло два отдельных языка – хинди и урду. На сербохарватском говорили сербы, хорваты и боснийцы мусульмане. После раздела Югославии их диалекты стали стремительно превращаться в разные языки. Политические и исторические реалии оказывают первостепенное влияние на подобные процессы. А раз это проблема не лингвистическая, а политическая, то уместно задаться традиционным вопросом: а хорошо ли для евреев – считать свой бытовой говор диалектом чужого языка? Крупнейший еврейский лингвист, специалист по идишу и по языкам еврейской диаспоры Макс Вайнрайх, однажды на вопрос, чем отличается язык от диалекта, ответил: «язык – это диалект, обладающий своей армией и флотом». В этой горькой шутке немалая доля истины – диалект становится языком, когда получает официальный статус. Допускаю, что сегодня бухарским евреям не нужны отдельная армия и флот, но очень важно помнить о чужих ошибках, чтобы не их не повторить.

Рассматривая историю европейских евреев (ашкеназов, говорящих на идише), мы видим, что в начале 20 века многие не считали идиш самостоятельным языком и полагали его диалектом немецкого, называли «жаргоном» или «испорченным немецким». Теперь так никто не считает, и многие ашкеназы жалеют о своем утраченном языке. В 1930-1960 годы родители зачастую не учили детей идишу, полагая, в частности, что это помешает им изучить «грамотный» немецкий.

Главная причина была в том, что власти не поощряли изучение еврейского языка, точно так же, как и в случае с бухарскими евреями, когда закрылись школы, театры, газеты и т. д. В результате новое поколение русских евреев, родившееся после войны, как правило, идиша не знают, им недоступно уникальное богатство еврейской литературы на этом языке. Следует ли бухарским евреям повторять ту же ошибку и принижать статус своего языка, объявляя его вариантом таджикского, если он имеет отличия от литературного таджикского, которые в прошлом уже позволяли считать его самостоятельным языком?

Большинство западных исследователей еврейских языков указывают, что еврейско-таджикский язык (именно так называется язык бухарских евреев в научной литературе) является самостоятельным языком или вариантом еврейско-персидского. Judeo-Tajik имеет код jrg в стандарте MARK описания языков Библиотеки Конгресса (таджикский язык имеет код tgk), являющимся обязательным для библиотек США. Он фигурирует как самостоятельный язык в базе данных солидных научных сайтов, используемых лингвистами всего мира. Большинство западных специалистов признавали его отдельным языком. К этим ученым относятся профессоры С. Бирнбаума, М. Вайнрайха, М. Занда, П. Векслера. Этой же точки зрения придерживались писатели и ученые бухарские евреи: Я. Калонтаров, М. Бачаев, А. Шаламаев и многие другие.

Будучи сторонником противоположной точки зрения, проф. И. Мошеев пишет: «Структура нашего диалекта зависит от таджикского языка, вариантом которого он является». Но так ли это? После многих веков сосуществования

исторические судьбы таджиков и бухарских евреев разошлись. Бухарские евреи – это самостоятельная этническая группа, и сегодня нет причин для того, чтобы оглядываться на таджиков в вопросах, касающегося своего языка, тем более говорить о «зависимости».

Я бы сказал, что бухарские евреи своей особой исторической судьбой пострадали независимость, в том числе и языковую. Есть еще один аспект, о котором иногда забывают: типологическое сходство культурно-языковой ситуации у разных еврейских групп. Многие еврейские этнические общины имели в диаспоре письменную литературу на иврите, и бок о бок с ней живую, основанную на фольклоре литературную традицию на разговорном языке. Подобное отношение к письменности глубоко вошло в плоть и кровь еврейской культуры и религии. Рядом с Письменной Торой на иврите обязательно должна быть Устная Тора (Талмуд) на арамейском, «языке Таргума». Изучение Письменной Торы без Устной воспринималось как отступление от норм еврейской религии.

Рядом с ивритским Танахом был всегда перевод, имевший свой язык: арамейский таргум, персидский тавсир, ашкеназский хумеш-тайч, либо сефардский ладино. Наши мудрецы объясняли, что это не случайно. Тору надо учить «два раза Писание, третий – перевод», причем, согласно некоторым мнениям (об этом писал Махарал из Праги), перевод соответствует Грядущему миру. Махарал полагал (вслед за ним писали многие мыслители), что еврейство несет в себе два начала: национальное и универсальное, и этим двум началам соответствует язык иврит и бытовой еврейский язык, принятый в данной местности (например, арамейский, или идиш, или бухарско-еврейский).

Серьезный «мужской» святой язык (лошун-кодеш) и разговорный «женский» материнский язык (забони модари) вместе составляют две стороны еврейской души, и одна не может существовать без другой. Поэтому, мне представляется несправедливым отбрасывать первую часть из устоявшегося в академической науке сочетания «еврейско-таджикский язык», и объявить этот язык чисто таджикским. Потому что для нас всех он, прежде всего, именно еврейский.

Михаил Носоновский